

3. ЕСТЕСТВЕННОЕ И ИСКУССТВЕННОЕ; ДИЗАЙН, ПРОЕКТ И ПЛАНИРОВАНИЕ; КОСМИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ, СИГНАЛИЗАЦИЯ И СЕМИОТИКА

(1) Теперь мы переходим к соображениям, касающимся, по-видимому, одной из важнейших «оппозиционных» проблем семиотики. В самом деле, правомерна ли сама постановка вопроса о «культуре людей» в ее соотношении с «естественным ходом вещей»? Да и в какой мере можно будет говорить о классической оппозиции семиотики «естественное — искусственное» в перспективе общечеловеческой культуры? [Заметим по ходу дела, что эта оппозиция носит чисто предметный характер (по крайней мере, в нашем рассмотрении) и никак не может быть экстраполирована на объекты семиотики. Даже когда нами употребляется термин «естественный язык», мы имеем в виду лишь то, что семиотический подход позволяет постороннему наблюдателю чужой для него культуры такого типа бинарное разделение всего многообразия ее способов использования языка.]

С культурой не только «будущего», но и «настоящего» очень тесно связаны три важнейших вида современной гуманитарно-технической деятельности, развитие которых (вне зависимости от того, к «естественным» или «искусственным» феноменам культуры мы их причислим) ставит под вопрос саму эту семиотическую оппозицию. Этими видами деятельности являются: дизайн, проектирование и планирование. [Которые чисто условно-терминологически и применительно к обсуждаемым проблемам можно было бы определить, соответственно, как проектирование вещей, проектирование работы и проектирование жизни (все три вида проектирования предполагают «культуру» в качестве как материала, так и конечной цели деятельности).]

А. Классическое понятие «проект» имело в виду, во-первых, существование уже имевшихся вещей (или

«объектов культуры»), во-вторых, существование уже имевшихся потребностей (т.е. «культурных потребностей»), в-третьих, существование уже имевшихся условий жизни (также «культурных», т.е. в принципе несводимых к совокупности вещей и потребностей). [Целесообразно в дальнейшем вместо и в смысле выражения «уже существовавших» употреблять термин «исторический».] «Проект» в этом смысле слова означал принципиальную или техническую реализацию «исторических» возможностей культуры.

В. Современное же понятие «проект» имеет в виду прежде всего проектирование возможностей культуры, которые до того времени содержались в ее вещах, потребностях и условиях не более, чем еще не изваянная скульптура содержится в камне, а картина в красках. Значение «выбора» и роль «случая» здесь, конечно, неизмеримо больше, нежели в проектировании в классическом смысле слова. Исходный материал становится все менее значимым фактором, как и все «историческое» в культуре вообще. Опирается на «исторические» объекты культуры становится необычайно трудно, ибо этих «объектов» слишком много. Возможно, однако, что с такой же трудностью люди уже сталкивались при становлении архаических культур, когда опираться на «исторические» объекты было также необычайно трудно, ибо этих «объектов» было слишком мало или не было совсем.

В обоих случаях идеальный «посторонний наблюдатель» заметил бы явное преобладание целевой прагматики над причинно-исторической обусловленностью. [Это соображение перекликается с известной концепцией Мамфорда о генезисе цивилизации и с общей точкой зрения Карла Цвикки, согласно которой выбор исходного материала, или объекта культуры, принципиально случаен, а целевая детерминированность может наблюдаться лишь со стороны (т.е. извне культуры и задним числом). В то же время в этом соображении можно усмотреть и некоторую близость к идеям Хэрдана.]

Современное понятие «проект» не может включать в себя идею «естественности» исторических объектов культуры хотя бы по той причине, что, попав в интеркультурную коммуникацию, эти объекты перестанут соотноситься с породившими их глубинными условиями их культуры и одновременно перестанут пониматься и станут познаваться. В этом случае апелляция внешнего наблюдателя к знанию им исторических условий их возникновения неправомерна, поскольку проект межкультурного взаимодействия не предусматривает взаимодействия с «культурой наблюдателя» (или предусматривает в порядке частного случая).

Семиотику (так же как биологу или психологу) предоставлен широкий выбор возможных позиций для наблюдения использования языка в культуре, но ему приходится фиксировать свою позицию хотя бы на время данного наблюдения. Поэтому он может возвести конкретную систему сигнализации к конкретному естественному языку или восстановить символический аппарат по его следам в способе использования естественного языка, но он категорически не может «засечь» факт возвращения сигнальной системы (или отдельных ее элементов) в «естественное состояние» — для этого необходимо то «понимание», которого он, будучи в «надкультурной» позиции, лишен по преимуществу. И в этом смысле можно говорить о таком оперировании возможностями культуры, продукты и результаты которого по необходимости оказываются как бы вне сферы действия предметной оппозиции «естественное — искусственное».

[Прямую параллель проекту сигнализации (мы пока оставляем в стороне вопрос о том, в какой мере последняя может называться «языком», ибо, чтобы им называться, она должна в него превратиться) представляют проекты потребностей в поселениях со смешанными культурами, где учет новых (т. е. не содержащихся ни в одной из современных культур) возможностей позволяет в принципе не нарушать «исторических связей и

структур». В противном случае может произойти то «забвение» исходной культурной почвы, которое неминуемо породит (как неоднократно порождало) гибель поликультурных общностей. То есть, выражаясь метафорически, всякая сигнальная система может успешно функционировать как таковая, пока она «помнит», что она есть не более чем частный случай узкоспециализированного использования естественного языка.]¹

(2) Нам представляется, что только анализ (как теоретический, так и фактический) внутрикультурных и межкультурных «исторических» феноменов использования языка и сигнализации даст исследователям возможность предположить нечто (или как это «нечто» могло бы быть сделано, т. е. «принципиально спроектировано») относительно общего характера сообщений в таких условиях межкультурных коммуникаций, когда по крайней мере одна из участвующих в этих коммуникациях культур неизвестна другой (с точки зрения механизмов, критериев и норм языкового употребления последней).

Весьма показательно при этом, что пока еще в истории (во всяком случае, человеческой) мы не встречались с фактом межкультурного сообщения посредством сигнальных систем (за исключением, разумеется, широко распространенных сигнальных систем, ритуализированных на основе исторического взаимодействия между культурами и языками). В принципе мы будем, по-видимому, правы (психологически, а не лингвистически), если скажем, что само понятие дешифровки имеет реальный смысл лишь постольку, поскольку сообщение попадает в руки тех, кому оно не предназначалось отправителем. Истинный адресат любого сообщения есть субъект понимания, а не дешифровщик. Ис-

¹ Подобно тому как (возвращаясь к началу второй главы) язык может функционировать, лишь пока он «помнит», что он есть не более чем язык.

ключение (да и то частичное) представляет лишь сообщение типа «тому, кто его примет».

Проекты будущих искусственных языков начнут быть реальными только тогда, когда в них будут введены смыслы, предполагающие разные возможности понимания и непонимания. Но «ввод смыслов» есть лингвистически полнейшая бессмыслица (ибо при использовании естественного языка в специфически «сигнальных» способах употребления смысл «оседает» в естественном языке). Значит, речь может идти лишь о таком естественном языке, где смыслы порождаются в порядке выбора и случая (т. е. в последнем случае мы будем иметь дело с явлением по крайней мере близким к естественному языку, если не тождественным ему).

Согласно нашей концепции, «идеальное сообщение» представляет собой текст без начала и конца, как бы случайно выплеснувшийся из спонтанного континуума передаваемого содержания. Эта формулировка, во-первых, предполагает заведомую непонятность любого сообщения (в том смысле, в котором выше говорилось о возможностях понимания и непонимания), поскольку всякая культура (а не язык) устроена так, чтобы в ней не могло быть текста, служащего ключом к ее пониманию. Во-вторых, она содержит в себе идею текста (точнее — общего типа текста), который может быть понят, и идею понимания, которое не может быть извлечено из знания значений дешифрованных сигналов. Это нас возвращает к вопросу о содержании как о специфическом предмете настоящего рассмотрения.

(3) Мы могли бы принять в качестве условного критерия содержательности сообщения в интеркультурной коммуникации его значимость как феномена внутри и для культуры, от которой это сообщение посылается. Как правило, чем специфичнее такое содержание для данной культуры, т. е. чем меньше вероятности (с точки зрения данной культуры, конечно), что нечто

подобное может оказаться и в другой культуре, тем, по-видимому, вероятнее (с точки зрения постороннего наблюдателя), что в последней окажется какое-то содержание, коррелятивное данному. Такое содержание мыслится как нечто, требующее понимания в аналогичных или близких внутрикультурных ситуациях другой культуры и называется нами «коррелятивным содержанием» или «коррелятом понимания».

[Крайне интересно, что такие корреляты чаще всего обнаруживаются при изучении переводов «текстов глобального культурного значения» с языка одной локальной культуры на язык другой. В качестве одного из примеров корреляции можно привести такие содержания, как ветхозаветный «закон» и новозаветная «благодать», оговаривая, впрочем, то обстоятельство, что эти культуры были генетически связаны. В этой связи интересно вспомнить металингвистические идеи Кеннета Пайка, где он, говоря о «смене языков культуры», имеет в виду замену одного из пары коррелятов другим. В метафизико-онтологическом плане сходная идея была высказана Евгением Шифферсом, который постулирует «смену» (или, в крайнем варианте, «отмену») языка своей культуры как предварительное условие понимания этой культуры ее носителем.]

Вообще, само понятие коррелятивного содержания предметно связано с такими фундаментальными условиями культуры, которые могут быть выполнены (а не описаны!) только в естественном языке и в порядке избыточного содержания транслируемого последним.

(4) Тогда встает конкретный (и в какой-то мере технический) вопрос: возможен ли такой проект сигнализации (сигнальной системы), который посредством введения заведомо избыточного содержания мог бы вызвать к жизни коррелятивное понимание? [При этом мы должны вновь напомнить о том, что сигнальная система здесь не выступает в прямой оппозиции к естественному языку, а рассматривается

только как частный случай «культурного» использования последнего.] По-видимому, такой проект возможен, но с учетом того важнейшего обстоятельства, что (в отличие от внутрикультурного использования естественного языка) здесь корреляция не может возникнуть в процессе только сигнальной коммуникации. Иначе говоря, система здесь должна проектироваться как можно менее четко и точно, с максимально возможными зазорами, пропусками и излишествами. [Само собой разумеется, что это требование относится только к системе содержания, а не к механизмам трансляции. Возможно, однако, что и последние должны будут работать в менее строгом режиме, чем это считалось до сих пор.]

Теорию такого рода проекта можно очень обще и суммарно представить себе следующим образом.

А. В сообщение вводятся содержания заведомо непонятные, т.е. такие, объектное знание которых не будет имплицировать возможность понимания (с точки зрения внешнего наблюдателя, понимающего конкретную ситуацию данного сообщения). Однако относительно этого «абсурдного» (здесь это — специальный термин, который не должен вызывать модных ассоциаций) содержания всегда можно предположить, что оно таким способом или иначе соотносится либо с каким-то эзотерическим языком (неизвестным наблюдателю), либо с символическим аппаратом (который «забыт» или «перестал осознаваться» как актуальный носителями данной культуры), либо с идеологией, язык которой еще (или уже) непонятен на уровне нормы использования естественного языка этой культуры, либо, наконец, с какими-то глубинными психологическими факторами, специфически связанными с данной культурой или не связанными с ней. [Здесь возможна как иерархия этих соотношений, так и иерархия связанных с ними рефлексивных процедур, о том и о другом будет говориться в конце приложения.] О таком содержании можно предположить (но не предсказать),

что оно «найдет себе» коррелят в неизвестной, чужой или другой культуре с гораздо большей вероятностью, чем когда речь будет идти об абсолютно понятном содержании.

В. На семантическом уровне вводится возможно большее количество конкретных смыслов (слово «смысл» здесь есть термин, обозначающий «атомарное содержание», приуроченное к предельно малой части сообщения), ценность которых для данного проекта тем выше, чем больше у них связей с другими смыслами.

С. На синтактико-парадигматическом уровне производится разряжение материала (т.е. имеется в виду не упрощение правил, не сокращение, не редукция связей, а выбрасывание — в принципе случайное, — скажем, части элементов данной парадигмы, как бы их «утеря»). Это делает смысл сообщения в целом более емким, а его предполагаемый прием — менее детерминированным условиями культуры, от которой сообщение исходит.

Современные языковые проекты интеркультурных коммуникаций в целом можно считать проектами таких вторичных использований естественного языка, которые содержательно ориентированы на участвующие в коммуникации культуры, а не на саму коммуникацию. И очевидно, суггестивность сообщения полагается гораздо более важным критерием, чем его информативность.

(5) Однако, как показывают последние исследования в области «языков» движений, жестов и мимики, эти «языки» не только натурно произведены от естественных языков (что, кстати, в ряде случаев почти невозможно доказать, при всей очевидности этого, см. здесь I(3)A), но и даны нам как феномены лишь внутри интерпретаций, произведенных в естественных языках. Анализ подобного рода исследований (к которым можно присоединить и исследования по сравнению немого и звукового кино) показывает, что вне интерпретации эти «языки», будучи наделены си-

туативными значениями, не имеют смыслов. [Если взять систему Бердуистела, то смыслоразличительных элементов оказывается столь огромное количество, что по сравнению с ними самих «слов» будет ничтожно мало.] Так, в частности, опыты по языковой расшифровке эпизодов немого кино показали столь незначительную вариативность в интерпретации их смыслов в сравнении с фиксированным текстом озвучения, что стала очевидной вся производность и вспомогательность изобразительных средств первого. То есть стало очевидным, что в немом кино язык «как пантомимика» и «как кинетика» прежде всего суггестировал языковую интерпретацию, вне которой его условные значения почти не имели смысла.

Сейчас пока еще трудно сказать, имеется ли внутри естественного языка особый интерпретационный механизм (как об этом говорилось в I.0), или он представляет собой обособленный способ употребления языка, лежащий ближе к фундаментальным условиям культуры (по аналогии с «символическим аппаратом»), либо мы имеем дело с языковой манифестацией сознания.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ В СВЯЗИ С ПОСТАВЛЕННЫМИ ПРОБЛЕМАМИ

(1) После выхода в свет «Философских исследований» Людвига Витгенштейна стала совершенно очевидной недостаточность «описания» (дескрипции) как центрального понятия теоретической лингвистики (в метафункции последней). Нисколько не ставя под сомнение идею «способа описания» как в отношении языка — универсальную, Витгенштейн (первым после Декарта) обратил внимание лингвистов, философов и логиков на существование особых содержаний, всякое сообщение (или высказывание) о которых определенным образом «замыкается» на сообщающем, или высказывающем, их субъекте. Это привело его к идее